

**КРИТИКА
АНТИМАРКСИСТСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ
ОБРАЗА
ЖИЗНИ**

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В статьях очередного сборника (вып. 4-й вышел в 1981 г.) дается критический анализ современных буржуазных философских, социологических, социально-экологических, экономических и политологических концепций образа жизни. Особое внимание уделяется анализу методологических приемов антикоммунистической пропаганды по данной проблеме и критике социал-реформистских интерпретаций «качества жизни».

Сборник рассчитан на преподавателей общественных наук, аспирантов и студентов, а также пропагандистов и всех интересующихся вопросами современной идеологической борьбы.

Под редакцией проф. М. Я. Корнеева, проф. А. А. Федосеева

Рецензенты:

д-р филос. наук В. И. Сурик (Ленингр. электротехн. ин-т им. В. И. Ульянова (Ленина)), д-р филос. наук А. О. Бороноев (Ленингр. ун-т)

0303020000—006
К 076(02)—83 13—83

Издательство
Ленинградского
университета, 1983 г.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

*Проблемный совет по критике
современной буржуазной
философии и социологии*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИТИКИ
СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИОЛОГИИ

Выпуск 5

КРИТИКА АНТИМАРКСИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Межвузовский сборник

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1983

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В статьях очередного сборника (вып. 4-й вышел в 1981 г.) дается критический анализ современных буржуазных философских, социологических, социально-экологических, экономических и политологических концепций образа жизни. Особое внимание уделяется анализу методологических приемов антикоммунистической пропаганды по данной проблеме и критике социал-реформистских интерпретаций «качества жизни».

Сборник рассчитан на преподавателей общественных наук, аспирантов и студентов, а также пропагандистов и всех интересующихся вопросами современной идеологической борьбы.

Под редакцией проф. *М. Я. Корнеева*, проф. *А. А. Федосеева*

Рецензенты:

д-р филос. наук *В. И. Сурин* (Ленингр. электротехн. ин-т им. В. И. Ульянова (Ленина)), д-р филос. наук *А. О. Бороноев* (Ленингр. ун-т)

0303020000—006
К 076(02)—83 13—83

Издательство
(Л.) Ленинградского
университета, 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы образа жизни занимают важное место в усилившейся на современном этапе идеологической борьбе между двумя мировыми социальными системами. И это далеко не случайно, ибо в образе жизни, как в фокусе, отражаются коренные недостатки или коренные исторические преимущества того или иного типа общества. А историческая действительность такова, что современное капиталистическое общество — это общество без будущего. Характеризуя его нынешнее состояние, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду нашей партии отмечал: «В эти годы происходило дальнейшее обострение общего кризиса капитализма. Капитализм, конечно, не застыл в своем развитии. Но он переживает уже третий за последние десять лет экономический спад».¹ И одновременно Л. И. Брежнев подчеркивал: «В итоге десятой пятилетки значительно увеличилось национальное богатство страны. Вырос ее производственный и научно-технический потенциал. Укрепилась обороноспособность Советского государства. Повысился уровень благосостояния и культуры нашего народа».² Он отмечал, что «советские люди с уверенностью смотрят в завтрашний день».³ Эти идеи красной нитью проходят в выступлениях на съезде иностранных гостей.

Все усиливающийся кризис буржуазного общества и уверенная поступь социалистических стран, прежде всего СССР, к коммунизму заставляет империалистическую буржуазию использовать все способы и средства для защиты буржуазного образа жизни, расхваливания, пропаганды его дутых фетишей и одновременно пытаться дискредитировать, развенчать социалистический образ жизни. В современной идейной борьбе против реального социализма, все более перерастающей в «психологи-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 20.

² Там же, с. 3.

³ Там же, с. 80.

ческую войну», в идеологические диверсии против СССР и других социалистических стран, наши классовые противники используют и давно обветшалые, выброшенные на свалку истории реакционные социальные мифы о капитализме как «обществе всеобщего благоденствия», и «модернизированные» их варианты. Все это и делает весьма актуальной дальнейшую научно аргументированную и эффективную критику различных антимарксистских концепций общественного развития, в том числе образа жизни, при одновременном исследовании проблем современного общественного развития, включая и вопросы социалистического образа жизни.⁴

В последние годы учеными СССР и других социалистических стран в этом направлении проделана большая работа. Об этом свидетельствует выход в свет ряда статей и монографий, в том числе и коллективных, созданных при участии философов и социологов из разных социалистических стран. В этих исследованиях наряду с разработкой общих теоретических и методологических вопросов, касающихся образа жизни как социального явления, уже подвергнуты критике некоторые антимарксистские концепции образа и «качества» жизни.⁵

Авторы статей предлагаемого читателю тематического сборника, опираясь на уже достигнутые результаты критики антимарксистских концепций образа жизни, попытались сделать некоторый шаг вперед, ведя критику таких концепций комплексно. В отличие от ряда предшествующих работ по данной тематике в сборнике подвергаются критике основные антимарксистские концепции образа жизни, получившие в последнее время широкое распространение в современной буржуазной философии, социологии, политэкономии, политологии. Кроме того, большое внимание уделяется раскрытию механизма использования современным антикоммунизмом всех этих концепций. В плане координации усилий ученых социалистических стран по критике буржуазных, социал-реформистских и ревизионистских концепций в сборнике представлены и статьи ученых из ГДР.

Нам представляется, что комплексный подход позволит более всесторонне, аргументированно и глубоко показать теоретико-методологическую несостоятельность как старых, так и новейших спекуляций буржуазных и ревизионистских идеологов по проблемам образа жизни.

⁴ См. там же, с. 146.

⁵ См.: Попов С. Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе. — Политическое самообразование, 1974, № 7; Философские проблемы общественного развития (Некоторые аспекты формирования и развития социалистического образа жизни). М., 1976; Кейзеров Н. М. Патология потребления. Критика буржуазного образа жизни. М., 1977; Мчедлов М. П. Образ жизни и идеологическая борьба. М., 1976; Социалистический образ жизни: Сб. статей ученых социалистических стран. М., 1979; Социалистический образ жизни и всестороннее развитие личности. М., 1979, и др.

1. КРИЗИС ФИЛОСОФСКИХ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Г. Е. СМЕРНОВА

КРИЗИС ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ НТР

В условиях научно-технической революции многократно усилилось воздействие технической сферы жизни общества на все стороны деятельности людей, на их мировоззрение. Интенсивная технизация решительным образом сказывается на образе жизни, направленности познавательной активности и мировоззренческих ориентациях современного человека. Возникают особые формы мироощущения, психологические установки и стереотипы. Существенной предпосылкой этому служит функционирование науки в форме научно-технического знания, организация научной деятельности по типу материального производства, что порождает определенную «техническую» картину мира, опирающуюся на фундаментальные теоретические выводы ведущих областей науки. Эта картина мира — необходимый опорный пункт общего мировоззрения и методологии, необходимая предпосылка всякого научно-технического исследования, в том числе и такого, которое вырабатывает приемы научного познания, а также методы и приемы технического экспериментирования. Поэтому технизация большинства сфер человеческой практики так или иначе подразумевает наличие «опредмеченного человека» с особой спецификой мировоззрения.¹

Это явление приобрело в наши дни общечеловеческий характер. Но его нельзя рассматривать вне конкретной социальной и классовой обусловленности, ибо путем анализа диалектики опредмечивания и распредмечивания можно за отношениями вещей увидеть отношения людей. К. Маркс отмечал, что *«предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека,*

¹ См. об этом: Федосеев П. Н. Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. — Вопросы философии, 1978, № 12; 1979, № 1; Энгельгардт В. А. Наука, техника, гуманизм. — Вопросы философии, 1980, № 8.

есть в то же время *наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку*.²

В условиях коммунистической формации, когда участие в общественно полезном труде становится важнейшей жизненной потребностью человека, созидание предметной реальности, «технической среды» — не только воплощение творческих возможностей людей, но и материальная основа их развития. При капитализме же существование и деятельность человека ограничены жесткими рамками системы классово-антагонистических отношений. Он вынужден выступать лишь в качестве агента буржуазной социальной практики, принудительно включенного в процесс ее воспроизводства. В эпоху научно-технической революции это состояние «опредмеченности» приобретает форму особого жизненного стандарта, заменяющего, по словам К. Ясперса, человеческую индивидуальность «универсальной рациональностью производственного механизма».

В эпоху империализма последствия технического прогресса, которые ранее затрагивали главным образом людей физического труда, решительно сказываются и на социальном положении интеллигенции. Умственный труд, научная деятельность во все большей степени становятся разновидностью специализированного труда по «производству идей и знаний», организуются по типу материального производства. Принудительная причастность к производственно-техническому развитию и в то же время устраненность от непосредственного участия в нем порождают в сознании буржуазного интеллигента ощущение «завербованности», существования в «неподлинном», утилитарно-потребительском мире. Свое положение он осознает как принудительно навязанную ему обществом социальную роль, которую он вынужден выполнять, даже если это грозит ему утратой собственной индивидуальности.

Такое извращенное восприятие мира является, по словам К. Маркса, *«действительным, а не мнимым»*, ибо оно порождено извращением, лежащим в основе капиталистического способа производства, когда «объективные условия труда приобретают все более колоссальную самостоятельность по отношению к живому труду, самостоятельность, выражающуюся уже в самом их размере... общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила».³ Эту исторически преходящую форму развития производительных сил, необходимую лишь для капиталистической стадии производства, буржуазному сознанию свойственно рассматривать как абсолютную необходимость. Идеологам, находящимся во власти подобных представлений, «необходимость *опредмечива-*

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 47.

³ Там же, т. 46, ч. II, с. 346—347.

ния [овеществления] общественных сил труда представляется... неразрывно связанной с необходимостью их *отчуждения* по отношению к живому труду».⁴ Иными словами, способ существования и образ жизни человека в буржуазном обществе отождествляется его идеологами со способом существования человека.

Социально-историческая категория отчуждения, характеризующая положение человека в капиталистическом обществе, превращается буржуазными идеологами в абстрактно-психологическую характеристику, фиксирующую родовые свойства человеческого существования. Отчуждение так или иначе предполагает опредмечивание человеческих целей в материальных средствах их осуществления, создаваемых людьми на основе имеющихся эмпирических и теоретических знаний. Но само по себе такое опредмечивание не есть отчуждение. Как таковое оно является необходимой предпосылкой развития общества и личности. Опредмечивание становится основой для отчуждения лишь в капиталистическом обществе, когда производитель отделен от средств производства и противопоставлен им.

Буржуазные идеологи, игнорируя социальные корни отчуждения, отождествляют отчуждение с опредмечиванием. С этой позиции они рассматривают всю практику человечества не как главное условие существования человека и формирования его образа жизни, а как тотальное отчуждение, воплощенным выражением которого становится техника. В «буржуазно-потребительском» видении техника предстает как злой гений человечества, роковое влияние которого нельзя отменить, можно лишь нейтрализовать его, противопоставляя технике индивидуально-психологический мир человека.

Подобные идеи пользуются популярностью в среде буржуазной интеллигенции и оказывают значительное влияние на современное искусство Запада. Вот, например, как излагает идейное кредо антитехнизма один из героев романа известной французской писательницы Симоны де Бовуар: «Человек повсюду подавлен техникой, отчужден, поработен, оглушен. Все зло — от роста потребностей... Порождая новые потребности, мы усиливаем чувство обездоленности». Характерен и вывод, который прокламирует этот персонаж: «Ни социальная, ни политическая, ни техническая революции не вернут человеку утраченную истину, средство одно — революция нравственная».⁵ Сентенции такого рода типичны для современной западной романистики, они звучат с экрана, их произносят герои авангардистских пьес.

Устойчивая популярность этой критики «технического» образа жизни не случайна. Проблемы техники, которые выдвигают

⁴ Там же, с. 347.

⁵ Бовуар С. де. Прелестные картинки. — Иностранная литература, 1967. № 7, с. 152—153.

гает экзистенциальная философия, охватывающая все существующие новые культурно-антропологические течения, относясь к разряду «больных» вопросов современного буржуазного общества. Речь идет о кризисном положении человека и способе его существования в условиях научно-технической революции.

Экзистенциальные трактовки «несчастливого сознания» усиленно подчеркивают эмоциональную сторону неприятия личностью «ужасов существования» в технизированном капиталистическом мире. В то же время они (и в первую очередь экзистенциализм как фундаментальная теория этих трактовок), как правило, мистифицируют действительную ситуацию, возникшую в современном буржуазном обществе под влиянием научно-технического развития. Представители «философии существования» считают, что человек попадает под власть иррациональных, антигуманистических сил уже в силу его пребывания в обществе. Поэтому осознание трагедии, «ужаса» такого положения представляется важнейшим средством спасения гуманистических ценностей человека. «Нужно понять и примириться с тем, — пишет А. Эдмайер в книге „Измерения свободы. К критике современного сознания“, — что человек технической эры более не принадлежит себе. Он — жертва вещей и обстоятельств, монотонной повседневности, функционирующей с точностью производственного механизма, и стандартного урбанизированного существования... Эта ситуация стабильна, и лишь тот, кто способен понять абсурдность такого бытия, может обрести внутреннюю свободу».⁶

Человек — творец и преобразователь мира — превращается тем самым в жертву «роковых» обстоятельств, а фетишистское восприятие техники придается ему в качестве необходимого элемента мировоззрения. С этой позиции философское осмысление техники выступает прежде всего как выявление и обобщение причин, которые поработают разум и волю личности, остающейся свободной лишь в своем иллюзорном индивидуализме.

Исходные теоретические установки и принципы такого подхода к технике и научно-техническому развитию наиболее полно разработаны одним из основоположников современного экзистенциализма К. Ясперсом. Технический мир, по Ясперсу, — это способ существования и образ жизни людей, усвоивших исходные установки научно-технического знания в качестве главной мировоззренческой позиции, но утративших способность к собственному «самодвижению». Поэтому реальность, возникающая в процессе материально-производственной деятельности общества, выдается здесь за предметное воплощение тождественных

⁶ Edmaier A. Dimensionen der Freiheit. Zur Kritik des modernen Bewußtseins. Eichstadt, 1977, S. 13.

в своей безличности «абстрактных индивидов», лишенных человеческого содержания.⁷

В современную эпоху, по мнению Ясперса, состояние отчуждения стало единственно возможным для человека и в то же время превратилось в основу его духовного кризиса. Создавая научно-техническую цивилизацию, человек якобы теряет способность творить самого себя, свой собственный мир, в корне отличный от бытия вещей.⁸ Ясперс рассматривал специфическую форму опредмечивания, характерную для капиталистического общества и связанную с овеществлением общественных отношений, как самоотрицание индивида, как созидание «неподлинного» мира с его технически стандартной жизнью. Такая фетишизация техники была нужна ему для того, чтобы говорить об асоциальности всех видов деятельности людей и их бытия в целом, рассматривать отчуждение как единственный способ организации отношений людей в техническом мире. «Техника, — писал Ясперс, — радикально изменяет повседневное бытие человека в окружающем его мире, вынуждает ставить на новые рельсы способ труда и все общество: в массовом производстве все наличное бытие преобразуется в технически функционирующий механизм, вся планета — в единую фабрику. Тем самым произошло и происходит отделение человека от любой почвы. Он становится жителем Земли без родины. Он теряет постоянство традиций».⁹ Характерные для экзистенциализма «безродность», бесприютность, «заброшенность» человека в чуждый ему технизированный и урбанизированный мир!

В то же время неизмеримо возросший социальный авторитет науки и научно-технического творчества, их реальная практическая мощь побуждают буржуазных философов предпринимать очередные попытки осмыслить технику и по-иному проанализировать перспективы развития личности, способы освобождения ее индивидуальности от принудительной стандартизации образа жизни. Они стремятся найти пути преодоления фетишистских представлений о «демонии» техники, разрушающей веру в возможность дальнейшего развития капиталистического общества, ибо философия, проповедующая безысходный «технический пессимизм», — это «философия отчаяния», в которой отсутствует всякий проблеск надежды на возможное избавление от тягот научно-технической цивилизации. Она лишь фиксирует проблемы, оставляя их нерешенными. Идеологи буржуазного гуманизма в той или иной степени осознают это. Не случайно подобная теория имеет ограниченный радиус социального дей-

⁷ Jaspers K. *Psychologie der Weltanschauungen*. Berlin; Heidelberg, 1954, S. 153—158.

⁸ Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. — München, 1952, S. 128.

⁹ *Ibid.*, S. 129.

ствия. Она чужда материально обеспеченным, преуспевающим слоям капиталистического общества.

В буржуазной философии все чаще появляются «критические» концепции техники и научно-технического развития, содержащие приемлемые для капиталистического строя рекомендации, как преодолеть «технический пессимизм». Появление таких концепций связано со стремлением буржуазных философов заполнить духовный «вакуум», образовавшийся в связи с предельной рационализацией и технизацией образа жизни, доказать, что разорванное, фетишизированное сознание буржуазного индивида сможет вновь обрести целостность. Ставится цель сформировать новое, «нетехническое» отношение к миру путем морального совершенствования, избавления воспитания и образования от узкой естественнонаучной и технической специализации философско-мировоззренческой переориентацией.

Подчеркивая, что технический прогресс, превращенный в самоцель, губительно отражается на формировании человеческой индивидуальности, представители экзистенциального «антитехницизма» нередко трактуют это явление как результат предельной профессионализации и естественно-технической специализации образования. Именно этим А. Кольнаи, занимающийся «экзистенциальными» проблемами педагогики, объясняет обеднение духовного содержания личности, сужение мировоззренческого кругозора, преобладание профессиональных и потребительских интересов. Единственным способом преодоления такой мировоззренческой (но не социальной) ситуации он считает «перестройку образования путем максимального содействия гуманитарной ориентации воспитания».¹⁰

С несколько иных философских позиций критикуют «технизированный» образ жизни сторонники психоаналитического подхода фрейдистской ориентации. Так, например, Ж. Дингеманс, пытающийся средствами психоанализа установить причины трагедии цивилизованного человека, приходит к выводу, что спасти личность от губительного влияния технизации невозможно путем социальных преобразований. «Технологический синдром», по его мнению, не социальное, а чисто невротическое состояние, возникшее и стабилизировавшееся вследствие несоответствия уровня и темпов научно-технического развития возможностям «человеческой природы».¹¹

На фоне умеренных антитез «техническому пессимизму» большей радикальностью отличаются попытки связать буржуазно-гуманистическую критику «тотальной технизации» с глобальными проблемами научно-технического развития. Одним из центральных моментов этой критики является идея о «самоцельной активности» современной техники, которая призвана

¹⁰ Kolnai A. Ethics, value and reality. London, 1978, p. 119.

¹¹ Dingemans J. Psychoanalyse des peuples des civilisations. Tragédie du passé. Paris, 1975, p. 58.

удовлетворять лишь родовые потребности человека, природный максимум его жизненного стандарта. Сторонники этой концепции выдвигают положение о двух уровнях детерминации технического прогресса: стабильно-биологическом и нестабильно-интеллектуальном. Для человека, пишут авторы сборника «Современный человек и его картина природы»,¹² важно в первую очередь удовлетворить биологические потребности (пища, одежда, жилище, быт) и утилитарные интересы. Значит, главная цель технического прогресса — обеспечить именно материальное благополучие людей. Однако по мере развития техники степень собственного благополучия начинает оцениваться людьми уже не с точки зрения биологических потребностей, а с позиций духовных интересов и запросов, которые характеризуются постоянно возрастающей самостоятельностью, самоцельной активностью. Парадокс, роковая особенность человеческого существования заключается в том, что техника обрекает его на действие ради действия. В конечном счете это означает «коренную замену самой сути человеческой жизни». «Подобный парадокс можно назвать трансценденцией техники, — пишет С. Лупаччо, — когда она не только вытесняет естественные способности и интересы человека, но также поглощает потенции природы. Но этот процесс не может быть беспредельным».¹³

Однако в действительности лишен смысла сам парадокс трансценденции техники, который ничем не доказан, а просто постулирован. Ибо «технический мир», которому буржуазные философы приписывают свои парадоксы, оказывается внесоциальной реальностью. Именно это, характерное для культур-антропологического подхода, противоречие между внесоциальным описанием технического прогресса и ориентацией на действительные социальные проблемы неизбежно становится парадоксальным.

Буржуазные философы стараются доказать, что «кризисная ситуация», в которой оказалось современное буржуазное общество, безвыходна, во всяком случае в социальном плане, ибо является результатом действия непостижимых иррациональных сил, направляющих ход исторического процесса. Единственное, что остается людям — переориентировать свои духовные запросы и интересы. Таким образом, проблема отчужденного «абстрактного индивида», реально существующая при капиталистической форме организации производства и всей общественной жизни, становится достоянием внесоциально трактуемого «технического мира». Объективные социальные отношения людей переносятся на грубую вещную форму их регулирования. Технический мир в связи с этим предстает как стихийная вещная детерминированность образа жизни и всего бытия человека, которая распространяется на весь исторический процесс. Сущ-

¹² L'homme moderne et son image de la nature. — Neuchatel, 1980.

¹³ Lupasco S. La tragédie de l'énergie. — Tournai, 1970, p. 18—19.

ективный и объективный факторы социально-исторической деятельности людей оказываются разорванными и противопоставленными друг другу, с одной стороны, как свободное самоутверждение личности, с другой — как «демония техники».

Научно-технический прогресс, оборачивающийся при капитализме бесчеловечностью, а с изобретением атомного оружия — возможной катастрофичностью своих социальных последствий, изображается как фатальный результат «заблуждений» познающего интеллекта, оказавшегося во власти «иррациональных сил». Между тем действительные социальные явления современного капитализма, возникающие в результате технизации производства, лишь косвенно подразумеваются, выступают недифференцированно, слитно, трактуются с позиции политически индифферентного человека.

Реакционный, буржуазно-апологетический характер подобных истолкований образа жизни современного человека в условиях научно-технической революции наглядно проявляется в том, что они полностью игнорируют принципиальное, качественное отличие капитализма от социалистического общественного строя, абсолютизируя буржуазный образ жизни, основанный на экономическом порабощении и социальном неравенстве. Для идеологии такого рода существует лишь абстрактный человек технического мира, законы которого рассматриваются вне какой-либо связи с социальной и экономической основой буржуазного общества. При таком подходе опорным пунктом образа жизни людей становится идея «внутренней автономии» личности, которая узаконивает и оправдывает то кризисное состояние, в котором находится современное капиталистическое общество. Поэтому в современной идеологической борьбе важнейшее значение приобретает марксистская теория научно-технического развития, раскрывающая общественно-историческую, деятельную сущность человека, которая реализуется в материально-производственной и научно-технической практике как главное и необходимое условие социальности технического мира, включения его в сферу общественной практики и образа жизни людей.

М. Я. КОРНЕЕВ

«КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» И СПОСОБ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ БУРЖУАЗНЫХ СОЦИОЛОГОВ

В западной социологической и политической литературе последнего десятилетия широкое распространение получила концепция «качества жизни», претендующая на то, чтобы высту-

лить альтернативой марксистскому пониманию образа жизни. Более того, эта концепция, начало которой было положено американским экономистом Дж. Гэлбрейтом и американским социологом Д. Рисменом, стала в 70-е годы официальной доктриной многих социал-демократических партий. Здесь (и особенно в Годесбергской программе СДПГ) она стала трактоваться как такая форма существования человеческого общества, которая, будучи основана на принципах «этического социализма», характеризовалась бы установлением «человеческих отношений в западном обществе» и тем самым стала бы образцом, идеалом для всего человечества.

Как буржуазный, так и социал-реформистский варианты концепции «качества жизни» трактуют жизнедеятельность личности в абстрактно-антропологическом духе. Такая трактовка сознательно противопоставляется марксистскому пониманию образа жизни, в котором способы (формы) жизнедеятельности личности рассматриваются в диалектической взаимосвязи с их объективными условиями. Способ жизнедеятельности личности — это прежде всего способ проявления всех сущностных сил человека (способности и потребности трудиться, созидать новые формы общественной жизни, быть сознательным субъектом общественных отношений, творцом духовной культуры и т. д.).

Следует заметить, что, по представлениям ряда буржуазных социологов, понятие «образ жизни» если и допустимо, то лишь для характеристики достигнутого уровня материального и социального положения людей в обществе, тогда как понятие «качество жизни» должно прежде всего стать олицетворением цели, которую и нужно достичь в так называемом «постиндустриальном» или, как стало на Западе модно говорить, «постсовременном» обществе. Все эти определения общества, основанные либо на сциентистско-технологическом, либо на культурологическом подходе к его характеристике, односторонни, аморфны, а потому ненаучны. То же самое можно сказать о применяемых в западной социологии понятиях «образ жизни», «качество жизни», «способ жизнедеятельности личности». В них нет четко сформулированных признаков этих социальных феноменов, их субординации. Рассмотрим это более подробно на примере работ ряда известных французских буржуазных социологов, которые, наряду с общими для Запада буржуазными и социал-реформистскими концепциями «образа жизни», «качества жизни» на личностном уровне, предлагают и свои «национальные модели». Иногда французские социологи нелестно отзываются об «американском образе жизни», считают его неприемлемым для европейцев, но критика эта довольно поверхностная.

Начнем с Ж. Фурастье, в чьих работах с начала 70-х годов намечился некоторый переход от откровенно сциентистской трактовки жизнедеятельности личности в так называемом

«индустриальном» или «научном» обществе¹ к ее абстрактно-гуманистической трактовке, хотя и здесь ведущей остается сциентистско-технократическая концепция.² Этот частичный пересмотр своих позиций Фурастье объясняет переходом общества от «сциентистской» и «менеджеральной» революции к некоей новой, «антропологической» революции, якобы призванной утвердить в «постсовременном мире» «новое качество жизни» путем преодоления разрыва между трудом и досугом. Фурастье претендует, во-первых, на выявление основных, ведущих тенденций развития современного мира, позволяющих раскрыть общие контуры «цивилизации 1995 года»,³ т. е. на создание всеохватывающей (социально-философской, социологической и экономической) схемы общественного развития почти до конца XX в., во-вторых, на создание альтернативы не только учению марксизма-ленинизма в целом об общественном развитии, о коммунизме как будущем человечества, но и всем составным частям марксизма по отдельности; в-третьих, на новое, якобы опровергающее Маркса толкование роли труда и досуга в современном, «постиндустриальном» обществе; в-четвертых, на создание нового учения о «постиндустриальном человеке», как прообразе будущего человека, «учения», претендующего быть альтернативой марксистско-ленинскому учению о всеобщем и гармонически развитой личности.

Однако ни одна из этих задач не решена в его работах, ибо ориентация на «постиндустриальное» общество (Фурастье употребляет термин «четвертичная цивилизация») как будущее человечества не соответствует объективным тенденциям развития, ведущим к коммунистическому обществу. Ратуя за создание новых форм гармонии труда и досуга как за важнейшее условие развития личности и сталкиваясь с реальной невозможностью достигнуть его в условиях капиталистического общества, Фурастье призывает к новой, «антропологической» революции, благодаря которой якобы станет возможным гармоническое развитие человека. В ходе этой революции, как полагает Фурастье, на смену современному массовому принудительному труду и «анархически используемому досугу» придет творческий труд в сфере знания.⁴ Однако он сам в какой-то степени скептически относится к своей утопии, ибо замечает, что основная масса

¹ Fourastié J. 1) La civilisation le 1975. Paris, 1959; 2) L'esprit scientifique. Idées majeurs. Paris, 1966; 3) Essais de morale prospective. Paris, 1966.

² Fourastié J. 1) La civilisation de 1995. Paris, 1970; 2) Lettre ouverte à quatre milliards d'hommes. Paris, 1970; 3) Des loisirs — pourquoi faire? Paris, 1970.

³ Уже само название работы «Цивилизация 1995 года» говорит о том, что ее автор совершенно произвольно, субъективистски подходит к периодизации истории и выступает против марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях.

⁴ Fourastié J. Des loisirs — pourquoi faire? p. 61.

населения Франции, как и других капиталистических стран, фактически отстранена от активного участия в приобретении знаний, научном творчестве.⁵ Таким образом, Фурастье не удалось противопоставить реальному процессу всестороннего и гармонического развития личности в СССР и других социалистических странах ничего, кроме тощей абстракции «человека досуга», «человека знания».

В работах как Фурастье, так и ряда французских социологов труда (Ж. Фридман, П. Навиль и др.), труд, материально-производственная деятельность человека из главных компонентов жизнедеятельности личности переводится в разряд факторов, в которых якобы не проявляются сущностные силы человека. Здесь мы наблюдаем смешение общеисторической сущности труда как основной субстанциональной основы развития личности с ее конкретно-исторической, капиталистической формой. Это отчетливо обнаруживается в двухтомной работе «Очерки социологии труда»,⁶ где проводится мысль о девальвации труда, о конце «эры труда», о переходе к «эре досуга», к «эпохе цивилизации массового потребления» и «массового общества». В этой связи возникают различные концепции о замене человека производящего (*homo faber*) различными видами человека потребляющего, человека играющего и т. д. Верно подмечая факт усиления «деперсонализации труда», его отчуждения на капиталистическом предприятии, Фридман, Навиль главную причину этого видят в научно-техническом прогрессе, а не в природе капиталистических производственных отношений. Призывы этих авторов к улучшению «качества жизни» через «гуманизацию труда» при сохранении объективных основ, ведущих к дисгармонии различных сфер человеческой жизнедеятельности, не выходят за рамки социал-реформистских представлений об «улучшенном», «гуманизированном» капитализме. В работах французских буржуазных социологов труда и досуга мы видим мистификацию деятельной сущности человека, подмену социальных характеристик жизнедеятельности личности различными биопсихическими характеристиками.

Остановимся кратко на социологических концепциях, в которых проблема «качества жизни» трактуется как проблема достижения счастья. В книге французского социолога Р. Шамлери «Наука жить. Размышления о главных проблемах нашего времени» ставится задача найти условия, при которых можно было бы обрести новый смысл в жизнедеятельности личности, восстановить утерянную на Западе гармонию между личностью и обществом и на этой основе достигнуть счастья для личности. Задача, поставленная автором, действительно актуальна, од-

⁵ Вот это и хочет скрыть Ж. Фурастье в своих статьях в «Фигаро» (см.: *Chroniques de Figaro*. Paris, 1972), а также в книге «*Les trente ans glorieuses ou la révolution invisible de 1946 à 1975*» (Paris, 1979).

⁶ *Le traité de sociologie du travail*, vol. 1—2. Paris, 1960—1961.